

А. Б. Бушев

Тверь, Россия

ДИСКУРС ФЕМИНИЗМА В КРОСС-КУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

АННОТАЦИЯ. *Предметом данного исследования является дискурс гендерного неравенства и транслируемые глобальными масс-медиа стереотипы в отношении «недопривилегированных». В центре работы — языковые и риторические особенности дискурса неравенства. Проанализированы исторические представления дискурса неравенства, роль коммуникации в создании феноменов гендерного неравенства и феминизма, физического неравенства и других видов неравенства. Указанные источники нашей работы — медиа и фольклор — заставляют и дальше размышлять о социоконструктивистской природе женского знания.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *гендерный дискурс, гендерное неравенство, феминизм, средства массовой информации, медиадискурс, социальные роли, гендерная идентичность, фольклористика, социоконструктивизм, коммуникативные неудачи.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Бушев Александр Борисович, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета.*

E-mail: alex.bouchev@list.ru.

A. B. Bushev

Tver, Russia

FEMINIST DISCOURSE AND ITS CROSS-CULTURAL ASPECTS

ABSTRACT. *The paper is devoted to the discourse of gender inequality in mass media and the stereotyped attitudes towards the underprivileged. The paper discusses the linguistic and rhetorical characteristics of the discourse of inequality. The article focuses on the*

history of the discourse of inequality, the role of communicative phenomena in creating gender inequality and feminist discourse, physical inequality and other types of inequality. The quoted sources of this paper — mass media and folklore — make one go on thinking about the social constructivist character of feminine knowledge.

KEYWORDS: *gender discourse; gender inequality; feminism; mass media; media discourse; social role; gender identity; folklore studies; socio-constructivism, communicative failure.*

ABOUT THE AUTHOR: *Bushev Aleksandr Borisovich, Doctor of Philology, Professor of Department Journalism, Advertizing and Public Relations, Tver State University, Tver.*

Предметом данного исследования является дискурс гендерного неравенства и транслируемые глобальными медиа стереотипы в отношении «недопривилегированных».

С появлением спутникового телевидения и Интернета, с глобализационными процессами в СМИ глобальный медиадискурс стал повседневной реальностью. Что особенно важно, показательна репрезентация и трансляция дискурса неравенства в медиа.

Медиа бурно развиваются. Идет осмысление их проекции в сферы гуманитарных наук: медиафилософия, медиариторика, медиалингвистика, медиаменеджмент, медиадискурсология, медиапедагогика, медиасоциология, медиаобразование, медиаэкономика и т.д. Жизнь стремительно медиатизируется: то, что есть в жизни, есть и в медиа. Но пока неверно обратное: чего нет в медиа, нет и в жизни. В силу социоконструктивистского характера текстов прессы они являются важным социологическим источником и свидетельством.

Проблематика инклюзивности

Hollywood has an **«epidemic of invisibility»** for women, minorities and LGBT people that runs across the whole industry, a new study has suggested.

The report by the University of Southern California stated that Hollywood has an **«inclusion crisis»** from CEOs to minor characters.

«Overall, the landscape of media content is still largely **white-washed»**, the study concluded.

It comes days ahead of the Oscars, which has been dubbed **OscarsSoWhite**.

Из приведенного отрывка мы видим, что стеклянный потолок существует для всех недопривилегированных, не попадающих под стандарты белых мужчин средних лет, христиан и гетеросексуалов. Показательно, что об этом заговорили на церемониях награждения и выдвижения номинантов в Голливуде. Это понимается как пресловутая проблема инклюзивности. Обратим внимание на выделенные в тексте метафоры дискурса «недопривилегированных».

Материал и методологические подходы

Материалом данной статьи выступили масс-медийные тексты глобального медиадискурса (преимущественно Би-Би-Си, Франс-24, ряда крупных англо- и франкоязычных газет). Применяется метод дискурсивного анализа материала [подробнее о методе см. Бушев 2016].

Зарубежный учебник «Медиа. Введение» (под редакцией А. Бригза и П. Колби) [Медиа 2005] уже после обсуждения самих медиа предлагает нам обсуждение дискурсивного конструирования таких вопросов как социальный класс, гендер, сексуальность, раса, этничность, молодежь и молодечность, национальность, привилегированность, инвалиды, спорт, парламентская политика и цензура и т.д. Необходимо рассмотрение вопросов неравенства в социальном, экономическом, военном, политическом, культурном, бытовом, научно-популярном дискурсе в СМИ и т.д. Ведь само определение журналистики свидетельствует о профессиональном обсуждении социальных проблем фактографическими методами. Какова повестка дня СМИ, каковы стереотипы представления ситуаций, благодаря чему конструируется та или иная точка зрения, как достигается баланс точек зрения, как СМИ отражают состояние своего потребителя и наоборот конструируют его сознание? Поэтому является логичным научный подход, демонстрируемый дискурс-исследованиями. Только дешифровка языковых знаков, привязка означаемого к означаемому заставит нас говорить о глобалистском и маргинальном дискурсе, о навязывании точки зрения, об отражении социума и социоконструктивистской нормализаторской функции дискурса СМИ. Это заставляет нас обратиться к позиции тех исследователей, которые идут к дискурсу от языка [Язык и дискурс СМИ 2008].

С появлением спутникового телевидения и Интернета, с глобализационными процессами в СМИ глобальный медиадискурс стал повседневной реальностью. Стало понятным, что барьеры понимания глобального медиадискурса не только и не столько

языковые, а социальные, ментальные, культурные, т.е. лежащие вне собственно языковой сферы; мы никогда не оставляем вне сферы своего внимания эту собственно рефлексивную проблематику социальных, политических, культурных различий — если угодно, очков — способствующих или мешающих пониманию глобального медиадискурса.

При анализе актуальных текстов медиадискурса должно понимать, что дискурс есть языковое выражение определенной общественной практики, упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка, за которым стоит идеологически и исторически обусловленная ментальность. Медиа-репрезентации представляют собой отражение, реконструкцию, миф, творимый в СМИ. При этом СМИ представляют собой универсальный агент коммуникации, дают социально-преобразующую репрезентацию реальности.

Обсуждение материала

В современном социальном дискурсе отмечены традиционные «белая привилегия», «мужская привилегия», «гетеросексуальная привилегия», «христианская привилегия», «классовая привилегии», «возрастная привилегия» в политике. Показано, что привилегированная группа рассматривает свой культурный и экономический опыт как норму.

Обсуждаются социальные и риторические практики неравенства на примере неравенства мужчин и женщин в современных обществах разного типа. Известнее дискурс феминизма и его перевыражение в гуманитарных исследованиях («феминистская критическая теория»).

Дискурсивные завоевания феминизма

Привилегированная группа рассматривает свой социальный, культурный и экономический опыт как норму, а не как особое положение, которого добивается за счет других. Этим привилегия отличается от открытого предвзятого отношения.

Недопривилегированные при этом «не сумели достичь нормы»: *disadvantaged groups are viewed as having failed to achieve the norm*. Разница между привилегированными и маргинализированными вызывает обратную дискриминацию (*reverse discrimination = affirmative action*).

Социологам известнее «стеклянный потолок» и разница в зарплатах между мужчинами и женщинами. В дискурсе к такому диспаритету в отношении к экономически находящейся в непри-

вилегитимированном отношении группе добавляется информация о сексуальной эксплуатации, насилии, связанном с приданным или женским обрезанием в азиатских странах, харассменте в западном мире. Против этого борются все прогрессивные социальные силы. В современном дискурсе равенство возможностей воплощает фигура Хилари Клинтон. Посмотрим на тон медиа в отношении ее номинации на пост президента США летом 2016 года:

For the past several decades, Mrs. Clinton, 68, has lived in the public eye as she has evolved. She has been a political spouse, the scorned wife of an embattled president, a senator who surprised her rivals by working across the aisle, and a losing presidential candidate in 2008 who went on to serve in the administration of Barack Obama, the man who had bested her.

Обычным спутником феминистского дискурса является дискурс за права LGBT. LGBT-группы подвергаются дискриминации в отношении брака, приема на работу, налогов, развода, способности выполнять обязанности родителя (single parenting). И весь дискурс искусственного оплодотворения, суррогатного материнства, усыновления обычно сопутствует этому дискурсу. Известен и научный вариант дискурса за права женщин. Это феминистская теория — проекция феминизма в филологический дискурс. С целью понимания природы гендерного неравенства используются антропология, социология, коммуникативные науки, психоанализ, экономическая теория, литературоведение, педагогика, психология. Ставится и практическая задача продвижения прав женщин, интересов и вопросов. Это уже не борьба за предоставление права голоса женщинам на выборах. Это третье поколение феминизма (Ю. Кристева, С. де Бовуар). Все современные феминистские теории строятся на утверждении того, что женский опыт недооценен (women experience subordination). Это ангажированные исследования: они рассматривают женщин как объект дискриминации, сексуальной эксплуатации, подавления, стереотипов, патриархата.

Показательно признание этими исследованиями важности различных голосов женщин, несмотря на разницу рас, класса, возраста, культуры, сексуальной ориентации, богатства.

Модели женского знания: новые интерпретации

Посмотрим на интерпретационные модели кросс-культурных исторических исследований женского дискурса. Прекрасный пример тому — вышедшая из печати книга Л. Олсон и С. Адоньевой [Олсон 2016].

Американской и русской исследователями изучаются и интерпретируются личные истории трех поколений русских женщин — дооктябрьское поколение, поколение 1917–1929 г. (до Большого перелома) и поколение 1930–1950 г., молодость которого пришлось на послевоенные годы. В рассказах женщин русской деревни (по результатам этнографических экспедиций) предстали наиболее значимые сферы женского знания и дискурса — темы ухаживания и свадьбы, мелодраматизм песенного репертуара и трансгрессивность частушки, магические и религиозные практики, межпоколенческие отношения родства и свойства, отношения с мертвыми.

Книгу характеризует широкое использование современных методологических подходов, выход за рамки фольклористики традиционной парадигмы («записывать все, что поет и рассказывает деревня»), взаимодействие с современным психологическим, социально-антропологическим и лингвистическим знаниями. С. Адоньева специально отмечает свою неудовлетворенность структурным и типологическим анализом фольклорных текстов, подтолкнувшую ее к поиску иных методов анализа, к знакомству с другими дисциплинами (лингвистикой, психологией, социологией, антропологией), что позволило превратиться ей из собирателя фольклора во включенного наблюдателя.

Показателен сам подход к информантам, которых авторы предпочитают называть собеседниками. В центре книги — люди, пользующиеся фольклором для своих нужд, а не «носители традиции». По словам авторов, это восприятие традиции, в которой человек сам участвует. Собеседники не воспринимаются как «карты памяти» (устройства для хранения информации), «носители традиции», которые хранят фольклорную информацию для ученых.

Интервью (разговор между членом сообщества и внешним по отношению к сообществу человеком) может дать гораздо больше, чем просто запись фольклорного текста и описание обряда. Такое интервью проливает свет на социальные роли, установки и ожидания, которые мы и наши собеседники привносим в коммуникацию, а также смыслы и отношения, которые мы конструируем в процессе. Авторы прямо отмечают: «В своей полевой работе мы учились на тех непониманиях, которые случались между нами и нашими собеседницами — деревенскими женщинами» (с. 38). Наблюдения и выводы авторов при этом строятся на собственных рефлексиях.

Динамический контекст интервью можно различить посредством двух параметров, развивающихся в диалоге: 1) социальные роли, которые инициируются, подтверждаются и

отвергаются в процессе коммуникации; 2) созидаемое метафорическое пространство, в котором интерпретации собеседников совпадают. Это происходит не только, когда миры собеседников близки, но и тогда, когда общее знание собеседников минимально — как это часто бывало в случаях с авторами исследования, горожанками, при общении с сельскими женщинами. При этом авторы отмечают (с. 22): «Хотя мы понимаем друг друга на уровне языка, тем не менее, обсуждая обстоятельства произошедших событий (то есть задавая вопрос, «почему» что-то случилось), мы должны интуитивно искать общие семантические основания и взаимоприемлемые коммуникативные роли. Так, рассказывая о своем или соседском прошлом либо прогнозируя наше (исследователей) будущее посредством моральных назиданий, наши партнеры по коммуникации созидают свое прошлое и наше с ними общее настоящее и будущее. В этом контексте каждая сторона, участвующая в разговоре, использует и транслирует определенные схемы интерпретации, соотносится с определенными моральными правилами и разыгрывает определенные социальные роли». В фольклорной культуре, как и в других культурных явлениях, существует динамическая зона контакта (interface) между индивидуальным и социальным, личным опытом и общей установкой, между традицией и потребностями текущего момента [Turner 1967: 27–30].

Авторы и исследуют конкретные практики и дискурсы, составляющие повседневную жизнь рассматриваемой социальной страты. Показателен круг теоретических работ по коммуникативистике, привлекаемых к обсуждению материала. Привлечены антропологические исследования, гендеристика, исследование субъективности, дискурса, наррации, невербалики — с привлечением работ И. Гофмана, Г. Гарфинкеля, А. Шютца, М. де Серто, П. Бурдьё, М. Фуко, Б. Малиновского, Л. Витгенштейна. Дж. Серля, Д. Таннен, Р. Шенка и Р. Абельсона. Исследуются самоидентичность собеседников и их аффилированная идентичность (мнения других о себе), фреймы, сюжеты и сценарии жизни. Идентичность понимается авторами как сеть значимых для человека взаимоотношений с другими людьми и группами. При этом возможны разные типы идентичности: этническая, гендерная, территориальная, возрастная, статусная. Каждая из них не обладает независимым фиксированным существованием, но создается посредством действий, осуществляемых в контексте повседневных коммуникаций и по конкретным причинам. При этом едва ли впервые (сами авторы

отмечают, что вслед за работой Т. А. Берштам 1988) пол и возраст рассматриваются как категории, посредством которых организована картина мира крестьян, как ключевые параметры социальной структуры крестьянского сообщества. Известно, что гендерные характеристики фольклора, за исключением причитаний — собственно женского жанра фольклора — долгое время не принимались во внимание. Конкретными хранителями общего знания фольклористы не интересовались.

Авторы подчеркивают, что слово «миры» в названии книги — дань социоконструктивизму: « для нас важно указать на то, что люди сами создают социальные миры; иными словами, мир, в котором человек живет, являет собой социальную и культурную конструкцию, в создание которой он вносит вклад. Мы понимаем мир как реальность, постоянно создаваемую социальными (в том числе и коммуникативными) практиками» (с. 11). При этом со ссылкой на Э. Сэпира авторы отмечают, что исследователь может полагать, что он имеет доступ к объективному миру значений, общему для исследователя и исследуемого. Поэтому авторы обращали особое внимание в полевых исследованиях и анализе на язык, в частности на языковые препятствия и коммуникативные провалы, которые помогали лучше понять другую культуру. При этом авторами осознавалась также опасность представить исследуемую культуру более «экзотической», более «отличной» и более «иной», чем нужно.

В работе использованы понятия сюжета и сценария: сюжета как способа, принятого в данной культуре для толкования прошлого, а сценария, напротив, как инструмента для толкования будущего.

Текст книги заставляет размышлять о природе женского знания, навыков и творчества. При этом показательно, что женщинам каждого возраста присущи свои формы доминируемого знания (девочки — сказки и колыбельные, девушки — свадебные песни и причитания, молодые женщины — бытовая магия, заговоры и обереги, большухи — оплакивание покойников и сказки).

Книга обсуждает принципы распределения знаний, навыков и ответственности в деревенском сообществе в соответствии с этапами жизни мужчин и женщин. Показаны разные социальные и половозрастные роли в деревне — *девка, молодка, баба, большуха, старуха, парень, мужик*. У каждого свои прерогативы. Сталкиваясь с формами социального контроля, люди отвечают на них, используя разные тактики — подчинение, трансгрессию и компромисс. В книге значимое внимание уделе-

но рефлексии, связанной с коммуникативными практиками, с коммуникативными неудачами. В книге интересно показана динамика индивидуального и социального, показано, как половозрастные статусы определяют социальную идентичность, предлагая ограниченный выбор сценариев поведения.

В последующих главах описаны традиционные практики. Эти практики сохраняют традиционную значимость в жизни собеседниц авторов, несмотря на значительные экономические, социальные и идеологические изменения в русской деревне. Обряды и пение существовали как в приватном, так и в публичном социальных пространствах, магия же относилась исключительно к приватной сфере, о ней никто не говорил публично. Ритуалы и пение были идеологизированы советской властью, магия подвергалась гонениям. Тем не менее, эта практика сохранялась и удерживалась. Авторы считают продуктивными и жизненно важными для собеседниц следующие фольклорные жанры: песни, биографические нарративы, легенды и мифологические рассказы, магические практики, религиозные ритуалы, семейные праздники, юбилеи и поминовения.

Книга рассматривает дискурс магии как форму знания и, следовательно, власти, которую приписывают отдельным членам деревенского сообщества, те способы, которыми этот дискурс формирует социальные сети. Такие нарративы представляют для отдельных информантов особую форму социального капитала, создают им репутацию «знающих» внутри сообщества.

В книге показаны **субъективность** под субъективностью понимается осознание себя, своих чувств, стремлений, убеждений и опыта в перспективе социальных ожиданий и норм), **агентивность** (понимаемая, в фукоистской традиции, как присущая человеку способность к самостоятельному выбору и действию, в противоположность детерминистическому взгляду на человека, по которому его поведение есть следствие воздействия среды и обстоятельств) и **традиция**. Конечный вопрос, который задают авторы: каковы взаимоотношения русских крестьянок с традицией?! Если они видят себя хранительницами традиции, то что это — личный выбор, призвание, роль, вмененная им их сообществами?! Или же источник этой мотивации находится вне сообщества?!

Указанные источники нашей работы — медиа и фольклор — заставляют и дальше размышлять о социоконструктивистской природе женского знания.

ЛИТЕРАТУРА

Бушев А. Б. Глобальный медиадискурс и межкультурная коммуникация. — Palmarium Academic Publishing, 2016. 383 с.

Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начале XX в. половозрастной аспект традиционной культуры. — Л.: Наука, 1988.

Медиа. Введение / под ред. А. Бригза и П. Колби. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 536 с.

Олсон Л., Адоньева С.. Миры русской деревенской женщины. Традиция, трансгрессия, компромисс. — М.: НЛО, 2016.

Язык и дискурс СМИ / под ред. М. Н. Володиной. — М.: Академический проект, 2008. 332 с.

Turner V. The Forest of Symbols. Aspects of Ndembu Rityals. — NY: Cornell University Press, 1967.